
Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная статья

Научная специальность

12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»

УДК 343.851

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2022.2.88>

КРИМИНАЛЬНОЕ БАНКРОТСТВО: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© Барабаш А. С.¹, Репецкая А. Л.², 2022

¹ Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Представлен сравнительный анализ регламентации ответственности за криминальное банкротство по законодательству Российской Федерации и таких стран, как США, Германия, Испания, Франция, Великобритания, Австралия. При этом рассматривалось не только действующее уголовное законодательство, регламентирующее ответственность за совершение преступлений в сфере банкротства, но и иные законы, осуществляющие его правовое регулирование. Установлено, что поскольку регистрация преступлений, связанных с криминальным банкротством, в Российской Федерации снижается, они плохо раскрываются, а правоприменительная практика нередко рассматривает действия подозреваемых как нормальные отношения хозяйствующих субъектов, регулируемых Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» и ГК РФ, существуют значительные трудности привлечения таких лиц к уголовной ответственности. В этой связи целью настоящего исследования было изучение того, как решаются аналогичные проблемы в законодательстве других стран, а также выявление наиболее приемлемых и эффективных путей государственного реагирования на криминальные банкротства. Сравнительный анализ зарубежного и российского законодательства показал, что в других странах при регулировании ответственности за разные виды криминального банкротства чаще применяются иные виды ответственности. Сделан вывод о том, что в противодействии криминальному банкротству уголовный закон не всегда играет решающую роль, что следует учитывать при совершенствовании российского законодательства в этой сфере. Это значит, что противодействие данным экономическим преступлениям может быть не менее эффективным без применения уголовной репрессии, но при этом уровень неотвратимости ответственности может быть выше за счет применения других ее видов.

Ключевые слова: криминальное банкротство, компаративный анализ, уголовное законодательство, экономические преступления.

CRIMINAL BANKRUPTCY: COMPARATIVE ANALYSIS AND PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION IN RUSSIAN LEGISLATION

© Barabash A. S.¹, Repetskaya A. L.², 2022

¹ Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

The article presents a comparative analysis of the regulation of liability for criminal bankruptcy under the laws of the Russian Federation and countries such as the USA, Germany, Spain, France, Great Britain, Australia. At the same time, not only the current criminal legislation regulating liability for committing crimes in the field of bankruptcy was considered, but also other laws that carry out its legal regulation. Since the registration of crimes related to criminal bankruptcy in the Russian Federation is declining, they are poorly disclosed, and law enforcement practice often considers the actions of suspects as normal relations of economic entities regulated by the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" and the Civil Code of the Russian Federation, there are significant difficulties in attracting such persons to criminal liability. In this regard, solving similar problems in the legislation of other countries, identifying the most appropriate and effective ways of government response to criminal bankruptcies was the goal of this study. A comparative analysis of foreign and Russian legislation has shown that in other countries, when regulating liability for various types of criminal bankruptcy, other types of liability are more often used. As a result, it was concluded that criminal law does not always play a decisive role in counteracting criminal bankruptcy, which should be taken into account when improving Russian legislation in this area. This means that countering these economic crimes can be no less effective without the use of criminal repression, but at the same time, the level of inevitability of responsibility can be higher due to the use of other types of it.

Keywords: criminal bankruptcy, comparative analysis, criminal law, economic crimes

Введение

Одной из главных задач любого государства является улучшение экономического благосостояния и достижение стабильности и устойчивости рыночных отношений. Наличие института банкротства – показатель развитого государства с рыночной экономикой, и его основополагающей целью является регулирование различных имущественных вопросов кредиторов и должников. Однако, как показывает практика, процедура банкротства зачастую используется в противозаконных целях в связи с ее экономической привлекательностью (высокой доходностью от преступных действий) и отсутствием работающего механизма привлечения лиц, участвующих в процедуре банкротства, к уголовной ответственности за совершение преступных деяний.

Нормативная база, посвященная банкротству, на протяжении многих лет считается самой часто обновляемой. Так, основополагающий нормативный акт – Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ за последние пять лет изменялся 42 раза. Для сравнения, актуальная редакция ст. 195 УК РФ² датирована 19 декабря 2005 г., ст. 197 УК РФ представлена редакцией от 29 декабря 2014 г., и только ст. 196 УК РФ была изменена законодателем 1 июля 2021 г., что лишь с натяжкой можно назвать своевременной реакцией на изменение законодательства о банкротстве.

Иными словами, многочисленные изменения законодательства, которые значительно изменяют процедуру банкротства, должны находить отражение и в уголовном законодательстве, предусматривающем ответственность за криминальное банкротство. Однако уголовное законодательство заметно отстает от законодательства в сфере банкротства, что оказывает значительное влияние на механизм уголовно-правовой защиты прав и интересов потерпевших от неправомерных действий лиц, участвующих в процедуре банкротства.

Проблема заключается в том, что в течение последних лет правоохранительными органами было выявлено весьма незначительное количество преступлений, регламентированных ст. 195, 196, 197 УК РФ, при этом динамика этих преступлений имеет устойчивую тенденцию к снижению. Так, например, за последние 10 лет количество неправомерных действий при банкротстве в регистрации снизилось почти в 3

раза (с 402 в 2010 г. до 122 в 2020 г.); преднамеренных банкротств стало меньше регистрироваться в 2 раза (их количество снизилось с 290 в 2010 г. до 147 в 2020 г.); фиктивных банкротств вообще регистрируются единицы (в 2010 г. – 9, в 2020 – 6). При этом, например, в 2020 г. ни один преступник, совершивший фиктивные банкротства, не был выявлен; среди лиц, совершивших преднамеренное банкротство, выявлялся только каждый третий³.

Между тем с каждым годом увеличивается количество заявлений о совершении преднамеренного и фиктивного банкротства, но, как показывает практика, проверка таких заявлений происходит с трудом, а добиться возбуждения уголовного дела по данной категории весьма проблематично. Как правило, в результате проверки сообщения о преступлении выносится постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Указанный тезис подтверждает и статистика привлечения к уголовной ответственности по делам указанной категории: за весь период действия рассматриваемых норм к уголовной ответственности было привлечено всего несколько десятков человек, которым наказание было назначено условно.

Низкий уровень раскрываемости криминальных банкротств связан, с одной стороны, с высокой латентностью данных составов преступлений, а с другой – с правоприменительной практикой, которая даже при выявлении таких банкротств нередко рассматривает действия подозреваемых как нормальные отношения хозяйствующих субъектов, учитывая наличие Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и положений ГК РФ⁴, которые их регулируют. Более того, дополнительные трудности вызывает наличие механизма привлечения к субсидиарной ответственности. И в результате правоохранительными органами в лучшем случае может быть возбуждено уголовное дело по иным нормам, предусматривающим уголовную ответственность за преступления против собственности или экономической деятельности [3, с. 138–139].

Указанное положение дел также можно связать и с несовершенством действующей в этой сфере нормативно-правовой базы, сложностями выявления этих преступлений и недостаточной квалификацией сотрудников, осуществляющих расследования уголовных дел, связанных с банкротством. Специфика дел данной катего-

¹ О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 30 дек. 2021 г. № 476-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.10.2021) // Консультант Плюс : справочная правовая система.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Консультант Плюс : справочная правовая система.

³ Статистические данные представлены с официального сайта Генеральной прокуратуры. URL: <http://crimestat.ru/analytics>

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

рии заключается в нюансах законодательства, регламентирующего процедуру банкротства; в сложности практического урегулирования процедуры банкротства и всех многочисленных, связанных с ней гражданско-правовых отношений, а также в отсутствии четкого методического обеспечения процесса расследования таких уголовных дел.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, который поддерживается уголовно-правовой доктриной: механизм уголовной ответственности в этой сфере нуждается в совершенствовании, чему может помочь изучение зарубежной практики применения законодательства, регламентирующего банкротство в иностранных правовых системах.

Методология исследования

В основе методологии исследования лежат методы сравнительного правоведения, анализа и синтеза, а также логический метод, которые использованы в компаративистском подходе к законодательной базе Российской Федерации, а также таких стран, как США, Германия, Испания, Франция, Великобритания, Австралия, в части регламентации ими ответственности за криминальное банкротство.

Использование сравнительного анализа и других указанных методов позволило изучить и сравнить нормы отечественного и зарубежного законодательства; выявить их сходство и различие; предложить подходы к совершенствованию российского законодательства, регулирующего отношения, возникающие в сфере криминального банкротства.

Результаты исследования

В ходе исследования было установлено, что подход российского законодателя к регламентации правового регулирования криминального банкротства существенным образом отличается от подхода, применяемого за рубежом, и это выражается в следующем.

Во-первых, в отечественном законодательстве отождествляются понятия «несостоятельность» и «банкротство», при этом в большинстве западных стран (США, Германия, Франция, Великобритания) эти термины четко разграничены – категория «несостоятельность» используется для обозначения именно имущественного состояния должника, отсутствия возможности для удовлетворения требований кредиторов за счет имущественной массы; термин «банкротство» обозначает поведение должника, который своими виновными действиями утратил объективную возможность удовлетворить требования всех кредиторов, и подразумевает

уголовно-правовой механизм квалификации такого поведения должника.

Во-вторых, законодательный механизм, действующий в России, не предусматривает вариаций уголовного или гражданского законов на уровне субъектов Федерации, нормы имеют общий характер, в отличие, например, от законодательного механизма регулирования отношений в области банкротства в США. Там нормативная база формируется не только Конгрессом США, но и законодательными органами штатов, которые, регламентируя те или иные вопросы в области банкротства, учитывают территориальную специфику [5, с. 282–285].

В уголовно-правовой доктрине не раз отмечалось, что вопрос криминального банкротства должен быть детально урегулирован и состав преступлений, предусмотренных действующим УК РФ, недостаточно. С данной точки зрения показательным является пример законодательного решения аналогичного вопроса в уголовном законодательстве США [10, р. 1–26].

В США мошенническое банкротство традиционно считается экономическим преступлением, объективная сторона которого может быть выражена в нескольких деяниях:

- сокрытии должником своего имущества с целью недопущения его принудительной конфискации. В уголовном законодательстве Российской Федерации таким деяниям не дана должная уголовно-правовая оценка, скорее, напротив, такие действия довольно часто оцениваются как виновное поведение арбитражного управляющего, который не предпринял необходимых мер для поиска имущества должника;

- предоставлении должником заведомо ложных документов и сведений либо предоставлении их не в полном объеме;

- многократной подаче фиктивных заявлений о признании должника банкротом с использованием заведомо ложных документов, или сведений, или достоверных документов и сведений, но в нескольких штатах одновременно;

- подкупе должником арбитражного управляющего (в США арбитражный управляющий именуется администратором имущества) с целью принятия решений в ходе процедуры банкротства в пользу должника вразрез с интересами кредиторов. По российскому же законодательству указанные действия охватываются механизмом привлечения лица, осуществившего подкуп арбитражного управляющего, к субсидиарной ответственности либо подлежат квалификации по ст. 204 УК РФ.

В подавляющем большинстве случаев уголовно-правовая квалификация указанных действий в США осуществляется по совокупности

с другими преступными деяниями (подлог документов, похищение персональных данных, мошенничество с ипотекой, коррупция и легализация преступных доходов) [9, р. 27–42].

При сравнении общих подходов к регулированию вопросов процедуры банкротства в США и России, следует отметить, что американское уголовное и частное право не знает категории «доведение до банкротства» в том смысле, который содержится в нормах российского законодательства.

Отдельные черты механизма коммерческой деятельности в США, принципы ведения предпринимательской деятельности и понимание категории несостоятельности делают невозможным представление о разрушении собственного действующего бизнеса и непринятие мер или принятие недостаточных мер для восстановления имущественной состоятельности при наличии возможностей.

Российский опыт показывает прямо противоположный подход: при наличии определенных трудностей бизнес предпринимает попытки для скорейшего вывода активов и осуществления иных действий, направленных на получение максимально возможной выгоды на текущий момент. О восстановлении платежеспособности, как правило, задумываются немногие. В этом, думается, кроется принципиальное различие в том числе и уголовно-правового механизма привлечения к уголовной ответственности за криминальное банкротство.

В уголовном кодексе США¹ есть несколько составов, являющихся аналогами статей 196, 197, 198 УК РФ. Так, § 152 Кодекса США предусматривает уголовную ответственность за сокрытие активов должника, в том числе путем дачи ложных сведений и показаний либо вымогательства.

Указанная норма содержит ряд альтернативных действий, составляющих объективную сторону данного преступного деяния и установленных соответствующими частями указанной статьи:

1) умышленное сокрытие любого имущества должника в рамках процедуры банкротства от арбитражного управляющего, кредиторов и иных лиц, участвующих в процедуре банкротства и ответственных за контроль и сохранение имущественной массы должника, совершенное в том числе путем обмана;

2) дачу ложных показаний под присягой в рамках дела о банкротстве;

3) умышленное предоставление ложных документов (сертификатов, заявлений и др.) в рамках дела о банкротстве;

4) неправомерное требование к должнику, основанное на заведомо ложных основаниях, а также использование такого требования с целью обращения взыскания на имущество должника;

5) умышленное завладение имуществом должника, совершенное путем обмана и после принятия судом заявления о признании должника банкротом;

6) дачу или получение денежных средств, имущества, или иного материального вознаграждения, или компенсации с целью совершения каких-либо действий или воздержания от совершения каких-либо действий, направленных на преимущественное удовлетворение интересов конкретных лиц, участвующих в процедуре банкротства;

7) умышленное сокрытие или отчуждение в пользу третьих лиц имущества должником – физическим лицом или представителем должника юридического лица в рамках процедуры банкротства;

8) сокрытие, уничтожение, искажение, фальсификация или внесение ложных записей в любой официальный документ, относящийся к имуществу или иным финансовым делам должника, совершенные во время процедуры банкротства;

9) сокрытие официальных документов, относящихся к имуществу или иным финансовым делам должника от арбитражного управляющего, суда или иного должностного лица, совершенное незадолго до возбуждения дела о банкротстве (конкретный срок американский законодатель не указал).

Стоит отметить, что американский законодатель в качестве санкций за рассмотренные преступные деяния предусмотрел уголовные наказания в виде штрафа или лишения свободы сроком до 5 лет. Кроме того, возможно применение указанных видов наказаний по совокупности. При этом конкретный размер штрафа за совершение данного преступления установлен § 3571 федерального УК США, согласно которому штраф не может превышать 250 тыс. долл. США для физических лиц и 500 тыс. долл. для юридических.

Также в уголовном законодательстве США имеется смежный состав, предусмотренный § 157 Кодекса США, устанавливающий ответственность за мошенничество при банкротстве. Данная норма очень схожа по конструкции со ст. 197 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за фиктивное банкротство.

¹ Уголовный кодекс США. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8301/file/USA_title_18_us_code_crimes_2017_en.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

Объективная сторона данного состава преступления состоит из совокупности следующих элементов: намерения использовать или использования мошеннической схемы с целью подачи заявления о признании должника банкротом; предоставления любого подложного документа, оказывающего влияние на процедуру банкротства; подачи ложных заявлений или претензий или взятия каких-либо ложных обязательств как во время процедуры банкротства, так и до подачи заявления о признании должника банкротом.

В уголовно-правовой доктрине США высказывается точка зрения о разграничении двух указанных составов преступления, при этом отмечается, что § 152 Кодекса США является специальной нормой, поскольку главным образом устанавливает уголовную ответственность за неправомерный вывод активов должника и причинение значительного ущерба имущественным интересам кредиторов, которые реализуются несколькими способами. В § 157 Кодекса США акцент сделан именно на корыстной мотивации лица, совершающего преступление, поскольку для него прежде всего необходимо организовать преступную схему, нацеленную на хищение имущества должника, а осуществление данных действий в рамках процедуры банкротства носит второстепенный характер и на оценку таких преступных действий существенно не влияет. Иными словами, у двух указанных составов преступлений схожая объективная сторона, но субъективная сторона принципиально разная, и субъект реализует противоправный умысел в отношении разных объектов.

При этом представляется любопытным, что на практике применение § 152 Кодекса США вызывает гораздо больше затруднений, чем применение § 157. Это связывается с несколькими факторами:

1) диспозиция § 152 более широкая и предусматривает девять разновидностей преступных действий;

2) для вменения состава преступления, предусмотренного § 157, необходимо установление факта реализации мошеннической схемы и умысла на хищение имущества должника; для вменения состава преступления, предусмотренного § 152, необходимо установить умысел на нарушение установленного порядка проведения процедуры банкротства и цели причинения вреда кредиторам или иным участвующим в деле о банкротстве лицам.

С учетом данных положений органам обвинения гораздо проще квалифицировать действия субъекта по § 157 Кодекса США, поскольку, используя такие неконкретизированные фор-

мулировки, вменить лицу совершение преступления не составит существенных затруднений, гораздо тяжелее применить уголовно-правовую норму с конкретным перечнем признаков, которые не всегда можно установить [2, с. 154].

Интересный опыт привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений в сфере банкротства, представляет уголовное законодательство Испании. В Испании имеется отдельный нормативный правовой акт, регулирующий вопросы процедуры банкротства, содержание которого сводится к регламентации процесса рефинансирования долговых обязательств должника, списания долгов или его ликвидации.

Уголовная ответственность за преступления в сфере банкротства предусмотрена гл. 7 «О наказуемой несостоятельности», содержащейся в книге II разд. XIII (преступления против собственности и социально-экономического порядка) Уголовного кодекса Испании¹.

В УК Испании, в отличие от УК РФ, не регламентированы отдельные составы, предусматривающие уголовную ответственность за фиктивное и преднамеренное банкротство, вместе с тем имеются некоторые статьи, которые предусматривают ответственность за неправомерные действия при банкротстве.

Так, ст. 257 УК Испании предусматривает ответственность за действия должника, которые привели к его несостоятельности (отчуждение имущества, сокрытие имущества, умышленное формирование дебиторской задолженности) в ущерб интересам кредиторов. При этом уголовная ответственность не зависит от того, когда эти действия были совершены и привели ли они к легальной процедуре банкротства.

Также наступление уголовной ответственности не зависит от признаков субъекта – ответственности подлежит как физическое, так и юридическое лицо, что считается более эффективным, в отличие от действующего в Российской Федерации механизма привлечения руководителя должника юридического лица за аналогичные действия к субсидиарной или уголовной ответственности в зависимости от обстоятельств.

Решению вопроса о квалификации действий, направленных на умышленное доведение до невозможности удовлетворения требований кредиторов, посвящена ст. 258 УК Испании. Она предусматривает уголовную ответственность за действия лица, которое, имея имущественные обязательства перед кредиторами, совершает

¹ Уголовный кодекс Испании. URL: https://www.legislationline.org/download/id/6443/file/Spain_CC_am2013_en.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

любое отчуждение активов или принятие на себя иных обязательств, которые уменьшают его активы, если такие действия привели к неплатежеспособности этого лица полностью или частично.

В УК РФ указанный механизм работает только в том случае, если аналогичные действия послужили причиной признания должника банкротом; о «частичной» несостоятельности, как это предусмотрено в ст. 258 УК Испании, отечественному уголовному закону ничего не известно.

Положения ст. 259 УК Испании конкретизируют положения ст. 258 и устанавливают ответственность за конкретные действия должника, которые привели последнего к банкротству. Среди таких действий выделяются: сокрытие активов, причинение ущерба или уничтожение имущества, выбытие имущества, принятие и удовлетворение заведомо необоснованных требований, признание фиктивных кредитов либо имитация кредитов, заведомо проигрышный спекулятивный бизнес, сокрытие или уничтожение документации и другие.

Субъективная сторона указанных составов преступлений в основном выражена умышленной формой вины за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. При этом в качестве обязательного признака субъективной стороны необходимо наличие специальной цели: признания лица банкротом без законных на то оснований (ст. 261 УК Испании) [7, с. 59–62].

Уголовное законодательство Франции регулирует вопросы привлечения к ответственности за преступления в сфере банкротства путем регламентации главным образом фиктивной (или преднамеренной) неплатежеспособности.

Если говорить предметно о регулировании ответственности за криминальное банкротство, рассматриваемое деяние регламентируется несколькими нормативными правовыми актами, среди которых следует выделить следующие.

В Уголовном кодексе Франции (далее – УК Франции)¹ основные составы, касающиеся ответственности за совершение преступлений в сфере банкротства, регламентированы ст. 314-5, 314-6, 314-7.

Так, ст. 314-7 УК Франции запрещает совершение должником (физическим или юридическим лицом) еще до вынесения судебного решения о признании его банкротом или до возникновения тяжелого имущественного положения (по аналогии с российским законодательством – до наличия признаков объективного банкротства) действий, связанных с увеличе-

нием обязательств, уменьшением его активов, уменьшением или сокрытием всего или части его дохода или путем сокрытия части своего имущества с целью уклонения от исполнения приговора имущественного характера, вынесенного уголовным или гражданским судом.

Субъектом преступлений здесь является либо сам должник, либо руководитель юридического лица, в результате действий которого организуется или усугубляется несостоятельность этого юридического лица с целью освобождения его от финансовых обязательств. Кроме того, к таковым могут быть отнесены территориальные органы власти за преступления, совершенные при делегировании своих полномочий юридическим лицам по соглашениям. Также субъектом преступления может являться заемщик или сторонний залогодержатель имущества.

В статьях 314-5, 314-6 УК Франции законодатель предусмотрел довольно жесткие механизмы уголовной ответственности за действия должника или третьего лица в его интересах, направленные на уменьшение конкурсной массы должника:

1) покушение либо совершение уничтожения или присвоения должником, заемщиком, сторонним залогодержателем объекта, который в рамках дела о банкротстве был заложен в интересах кредитора должника (наказывается лишением свободы на срок до трех лет и штрафом в размере 375 тыс. евро);

2) покушение либо совершение уничтожения или присвоения должником, заемщиком, сторонним залогодержателем объекта, являющегося гарантией прав кредитора и переданного на попечение кредитора или третьей стороны (наказывается лишением свободы на срок до трех лет и штрафом в размере 375 тыс. евро);

3) покушение либо передачу постановления об уничтожении или изъятии объекта, находящегося у кредитора в качестве гарантии его прав (наказывается тюремным заключением на срок до трех лет и штрафом в размере 375 тыс. евро).

Подход французского законодателя, в отличие от российского, направлен на жесткое пресечение выбытия из имущественной массы должника различных активов, которые могут быть использованы для удовлетворения требований кредиторов, о чем свидетельствует ряд норм УК Франции, а также неоднократное упоминание в тексте закона о недопустимости таких действий.

Максимальная ставка штрафа, применяемая к юридическим лицам, равна пятикратной ставке штрафа, предусмотренной для физических лиц.

Если речь идет о преступлении, за которое не предусмотрено штрафных санкций в отноше-

¹ Уголовный кодекс Франции (Code pe nal) Section 3 : De l'organisation frauduleuse de l'insolvabilité (Articles 314-7 à 314-9). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/>

нии физических лиц, штраф, взимаемый с юридических лиц, составляет 1 млн евро.

Кроме того, физическому лицу могут быть назначены такие наказания, как конфискация вещи, которая служила или была способом совершения преступления в сфере банкротства, или вещи, которая была, наоборот, получена в результате преступного деяния.

Следующий нормативный правовой акт, регулирующий ответственность за совершение неправомерных действий в сфере банкротства, – УПК Франции¹. В статье 776 данный закон регламентирует ответственность председателей арбитражных судов, которые были уличены в соучастии в указанных выше противоправных процедурах банкротства или в неправомерном судебном урегулировании споров, касающихся банкротства.

В целом уголовные наказания в виде штрафов за преступления в сфере банкротства высоки, однако и перечень преступлений весьма ограничен, что говорит о лояльном настрое законодателя Франции по отношению к противоправным действиям в сфере банкротства.

В отличие от уголовного законодательства Франции, имеющего общие черты с уголовным законодательством Российской Федерации в части ответственности за криминальное банкротство, Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия (далее – УК ФРГ)² не содержит составов, предусматривающих ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство.

В разделе 24 регламентированы совершенно иные преступные деяния, связанные с банкротством, к каждому из которых установлено наказание исключительно в виде штрафа либо лишения свободы. Так, УК ФРГ содержит следующие преступные деяния, отнесенные к сфере криминального банкротства:

- 1) сокрытие, утаивание, повреждение имущества, которое могло быть включено в имущественную массу;
- 2) ненадлежащее ведение деятельности убыточным образом;
- 3) предоставление в кредит товаров или ценных бумаг по цене ниже их стоимости;
- 4) отсутствие обязательных к ведению торговых книг либо внесение в них ненадлежащей информации;
- 5) отсутствие проведения инвентаризации в определенный законом срок;

б) нарушение обязанности ведения бухгалтерских книг;

7) способствование одному из кредиторов;

8) способствование несостоятельному должнику.

Указанный перечень преступлений не полный, однако его анализ свидетельствует, что в отличие от УК Франции, а равно УК РФ, УК ФРГ предусматривает иной, более широкий перечень преступлений. При этом стоит заметить, что по форме вины эти преступления могут быть совершены по легкомыслию или небрежности, в отличие от уголовного законодательства Российской Федерации, которое предусматривает только прямой умысел в качестве обязательного признака субъективной стороны инкриминируемого состава преступления в области банкротства.

Такой подход немецкого законодателя связан с тем, что по своему характеру система удовлетворения требований кредиторов Германии – прокредиторская. В то время как законодательство Российской Федерации или Франции фактически указывает на умеренно-прокредиторский либо даже, как отмечается некоторыми учеными, продебиторский характер, к которому относится также и система удовлетворения требований кредиторов США и Великобритании [4, с. 260]. С другой стороны, представляется правильным, что законодательству Российской Федерации в сфере банкротства довольно сложно предписывать продебиторский характер, поскольку нормы США и Великобритании существенно лояльней к должнику.

Оценивая нормы УК ФРГ, предусматривающие уголовную ответственность за преступления в сфере банкротства, следует сказать, что указанные нормы – не лучший образец для включения в правовую систему Российской Федерации при всей подробной регламентации наказаний в связи со следующими обстоятельствами.

Общим нормативно-правовым регулятором в вопросах банкротства является Закон ФРГ «О банкротстве» от 5 октября 1994 г.³, который также подробно регламентирует вопросы ответственности за действия лиц, принимающих участие в процедуре несостоятельности.

В целом в уголовно-правовой доктрине отмечается, что вопросы банкротства урегулированы в законодательстве ФРГ достаточно слабо, что не может не сказаться на механизме привлечения к уголовной ответственности за преступления в сфере банкротства [8, с. 101]. Кроме того, нормы, касающиеся уголовной ответственности по УК ФРГ, не оставляют места для таких

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Франции (Code de procédure pénale). URL: https://www.legislationline.org/download/id/8539/file/France_CPC_am022020_fr.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

² Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8253/file/Germany_CC%20am2019_de.pdf (дата обращения: 03.03.2022).

³ Закон ФРГ «О банкротстве» (Insolvenzordnung). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/insol/> (дата обращения: 15.02.2022).

процедур, как наблюдение и финансовое оздоровление [1, с. 72].

Таким образом, УК ФРГ содержит большое количество оснований, позволяющих применить к должнику наказание на ранних этапах процедуры банкротства, что идет вразрез с экономическими интересами должника, поскольку на ранних стадиях сохраняется возможность для восстановления платежеспособности.

Интересен и опыт регулирования отношений в сфере криминального банкротства в Великобритании, поскольку это государство, не имеющее Уголовного кодекса.

В первую очередь следует отметить, что Великобритания в своей правовой системе содержит понятие «криминальное банкротство», упоминаемое в Законе о несостоятельности 1986 г.¹, который является основным регулятором правоотношений в данной сфере.

При этом анализ законодательства Великобритании и России в сфере криминального банкротства позволяет выявить взаимосвязь многих положений [6, с. 345–349]. В действительности, указанный закон разделяет как неправомерные действия при банкротстве, так и преднамеренное банкротство, а равно фиктивное банкротство. Законодательство Российской Федерации переняло некоторые идеи из законодательства Великобритании, принятого в 1992 г.², при этом нормы УК РФ конструировались отечественным законодателем самостоятельно.

Тем не менее в законодательстве Великобритании четко прослеживается продебиторский характер норм, поскольку наказуемость деяний в сфере банкротства основывается на гражданско-процессуальных актах и меры ответственности к совершившим преступное деяние лицам применяются на основании решения суда о ликвидации компании, о признании должника банкротом, об удовлетворении требований кредиторов, о реализации имущества должника и др., что существенно нивелирует угрозу применения уголовно-правовых средств по факту совершения преступления в сфере банкротства.

Сравнительный анализ механизма привлечения к ответственности за совершение неправомерных действий в сфере банкротства Великобритании и Российской Федерации позволяет говорить о возможности заимствования в дальнейшем некоторых подходов, но лишь в части совершенствования российского механизма

привлечения виновных лиц к гражданской и административной, но не к уголовной ответственности.

К примеру, если УК РФ определяет конкретные основания уголовной ответственности за преднамеренное банкротство, то законодательство Великобритании в первую очередь призывает к гражданской ответственности, поскольку из анализа норм следует, что законодатель считает преднамеренное банкротство нормальным явлением, напрямую связанным с предпринимательским риском.

Таким образом, переняв некоторые идеи законодателя Великобритании, в большей степени основывающиеся на гражданско-правовой ответственности, отечественный законодатель, внедрив определенные конструкции в гражданское законодательство, вместе с тем не оставил без внимания уголовную ответственность. Такой подход представляется правильным, поскольку в свете высокого риска банкротства в текущей мировой ситуации стоит уделять должное внимание уголовно-правовому механизму защиты интересов как должника, так и кредиторов и иных участвующих в процедуре банкротства лиц, стремясь при этом к качественному преобразованию и выстраиванию механизма привлечения к ответственности виновных лиц, с использованием при этом всего спектра средств борьбы с рассматриваемым явлением – как уголовно-правовых, так и гражданско-правовых.

Совсем лояльным в рассматриваемой сфере является законодатель Австралии. Правовой режим регулирования банкротства здесь основывается на австралийском Законе о банкротстве 1966 г.³, регламентирующем гражданско-правовую ответственность, и Уголовном кодексе Австралии 1995 г.⁴.

В соответствии с правовым режимом в сфере банкротства Управление финансовой безопасности Австралии может направить предполагаемому правонарушителю уведомление о правонарушении для уплаты штрафа и выплата указанного штрафа применяется вместо уголовного преследования.

Такой режим позволяет Управлению финансовой безопасности Австралии применять меры гражданской ответственности за правонарушения в сфере банкротства, которые хотя и являются относительно несущественными, но все же могут оказать серьезное воздействие на процедуру банкротства. Для предотвращения призна-

¹ Закон Великобритании «О несостоятельности». URL: https://socialsciences.exeter.ac.uk/media/universityofexeter/collegeofsocialsciencesandinternationalstudies/politics/research/statorg/uk/ngo/Company_Law_-_Insolvency_Act.pdf (дата обращения: 19.02.2022).

² О несостоятельности (банкротстве) предприятий : федер. закон от 19 нояб. 1992 г. № 3929-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1250/ (дата обращения: 11.02.2022).

³ Закон Австралии «О банкротстве», 1966 г. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2021C00096> (дата обращения: 11.02.2022).

⁴ Уголовный кодекс Австралии, 1995 г. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2021C00183> (дата обращения: 11.02.2022).

ния деяния в качестве преступления, Управление финансовой безопасности Австралии:

1) обеспечивает эффективное регулирование вопросов правонарушений в сфере банкротства;

2) регулирует практику банкротства физических лиц;

3) сохраняет целостность Национального индекса личной неплатежеспособности, который является общедоступным ресурсом в Австралии.

Управление финансовой безопасности Австралии также может передать спорные вопросы Генеральному прокурору Содружества для рассмотрения мер судебного преследования, если лицо систематически (на протяжении 90 дней со дня выдачи предписания) не соблюдает требования.

Управление финансовой безопасности Австралии также имеет право инициировать судебное разбирательство по предполагаемому правонарушению в рамках первой инстанции после неуплаты штрафа согласно уведомлению. Оно также должно зафиксировать все факторы, учитываемые при принятии решения о выдаче уведомления о правонарушении, в соответствии со стандартами расследования правительства Австралии и Кодексом поведения и ценностей¹.

Для физического лица максимальная сумма, подлежащая выплате, составляет одну пятую от максимальной суммы штрафа, предусмотренного в виде наказания, которое может быть наложено судом на юридическое лицо.

Выводы

Сравнительный анализ представленных видов отечественного и зарубежного законодательства позволил сопоставить механизмы регулирования ответственности в сфере уголовного банкротства, сравнить ее виды, выявить различия в регламентации как самого преступного поведения в рассмотренной сфере, так и в характере ответственности за него.

В результате было определено, что в российском законодательстве используется достаточно узкий спектр как самих видов преступного поведения, осуществляемого в сфере уголовного банкротства, так и ответственности за него. Это, с одной стороны, не позволяет охватить все преступные проявления, возникающие в сфере банкротства, а с другой, использование только уголовной ответственности при регулировании указанных правоотношений ведет к тому,

что в сферу наказуемого попадает очень узкий круг субъектов. Низкий уровень реализации принципа неотвратимости ответственности за действия, совершенные при криминальном банкротстве, ведет к распространению данных процессов в экономической сфере, используется для ухода от ответственности перед должниками.

Между тем, рассмотрев совершенно разный законодательный опыт некоторых стран, можно прийти к выводу о том, что в противодействии криминальному банкротству уголовный закон не всегда играет решающую роль. Это значит, что противодействие данным экономическим преступлениям может быть не менее эффективным без применения уголовной репрессии, но при этом уровень неотвратимости ответственности может быть выше за счет применения других ее видов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валягин В. В. Законодательство Российской Федерации и Германии: начальные этапы открытия дел о несостоятельности // Юридический мир. 2007. № 4. С. 69–74.
2. Егоров С. А. Особенности законодательства США в части уголовной ответственности за криминальное банкротство // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS : сборник статей XXXVIII Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Пенза, 2019. Ч. 2. С. 154–159.
3. Журкина О. В. Эволюция института криминального банкротства и современное состояние // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2 (27). С. 138–142.
4. Киракосян А. Э. Сравнительный анализ зарубежных процедур корпоративного банкротства // Скиф. 2020. № 1 (41). С. 258–264.
5. Лопанова А. М., Езангина И. А. Криминальное банкротство: проблемы регулирования в России и зарубежный опыт // Молодежь и XXI век – 2019 : материалы IX Международной молодежной научной конференции. 21–22 февр. 2019 г. Курск, 2019. Т. 2. С. 282–285.
6. Таран П. Е., Погребняк Е. С. Сравнительно-правовой анализ современной процедуры банкротства физических лиц в Великобритании и Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 1. С. 345–349.
7. Улезько Г. С. Уголовно наказуемое преднамеренное и фиктивное банкротство: законодательная регламентация и практика применения : дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2020. 203 с.
8. Шишмарева Т. П. Несостоятельность индивидуального предпринимателя в России и Германии // Цивилист. 2013. № 1. С. 97–103.
9. Kasper Regensburg & Morten Nicklas Bigler Seitz // Criminology, bankruptcy, and cost of debt. P. 27–42.
10. Marcus Box, Karl Gratzner, Xiang Lin // The Asymmetric Effect of Bankruptcy Fraud in Sweden: A Long Term Perspective. P. 1–26.

REFERENCES

1. Valyagin V.V. Zakonodatel'stvo Rossiiskoi Federatsii i Germanii: nachal'nye etapy otkrytiya del o nesostoyatel'nosti [Legislation of the Russian Federation and Germany: initial stages of opening insolvency cases]. *Yuridicheskii mir* [The legal world], 2007, no. 4, pp. 69–74. (in Russian)
2. Egorov S.A. Osobennosti zakonodatel'stva SShA v chasti ugolovnoi otvetstvennosti za kriminal'noe bankrotstvo [Features of US legislation regarding criminal liability for criminal bankruptcy]. *WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS, sbornik statei XXXVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS, collec-

¹ Деловая этика. Опубликовано в рамках Программы эффективного управления: Руководство по управлению ответственным предприятием в развивающейся рыночной экономике // Official Website of the International Trade Administration. URL: https://legacy.trade.gov/goodgovernance/adobe/Russian_BEM_Full_Text.pdf (дата обращения: 11.02.2022).

tion of articles of the XXXVIII International Scientific and Practical Conference]. Penza, 2019, Part. 2, pp. 154-159. (in Russian)

3. Zhurkina O.V. Evolyutsiya instituta kriminal'nogo bankrotstva i sovremennoe sostoyanie [The evolution of the institution of criminal bankruptcy and the current state]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, no. 2 (27), pp. 138-142. (in Russian)

4. Kirakosyan A.E. Sravnitel'nyi analiz zarubezhnykh protsedur korporativnogo bankrotstva [Comparative analysis of foreign corporate bankruptcy procedures]. *Skif* [Skif], 2020, no. 1 (41), pp. 258-264. (in Russian)

5. Lopanova A.M., Ezangina I.A. Kriminal'noe bankrotstvo: problemy regulirovaniya v Rossii i zarubezhnyi opyt [Criminal bankruptcy: Regulatory Problems in Russia and foreign experience]. *Molodezh' i XXI vek – 2019, materialy IX Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii. 21-22 fevr. 2019* [Youth and the XXI Century – 2019, materials of the IX International Youth Scientific Conference. February 21-22, 2019]. Kursk, 2019, vol. 2, pp. 282-285. (in Russian)

6. Taran P.E., Pogrebnyak E.S. Sravnitel'no-pravovoi analiz sovremennoi protsedury bankrotstva fizicheskikh lits v Velikobritanii i Rossiiskoi Federatsii [Comparative legal analysis of the modern bankruptcy procedure of individuals in the UK and the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences.], 2019, no. 1, pp. 345-349. (in Russian)

7. Ulez'ko G.S. *Ugolovno nakazuemoe prednamerennoe i fiktivnoe bankrotstvo: zakonodatel'naya reglamentatsiya i praktika primeneniya* [Criminally punishable intentional and fictitious bankruptcy: legislative regulation and practice of application. Cand. sci. diss.]. Grozny, 2020, 203 p. (in Russian)

8. Shishmareva T.P. Nesostoyatel'nost' individual'nogo predprinimatel'ya v Rossii i Germanii [Insolvency of an individual entrepreneur in Russia and Germany]. *Tsivilist* [Civilist], 2013, no. 1, pp. 97-103. (in Russian)

9. Marcus Box, Karl Gratzler, Xiang Lin / The Asymmetric Effect of Bankruptcy Fraud in Sweden: A Long Term Perspective, p. 1-26.

10. Kasper Regenburg & Morten Nicklas Bigler Seitz. Criminals, bankruptcy, and cost of debt, p. 27-42.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 11.02.2022; принята к публикации 13.05.2022.

Received on 12.01.2022; approved on 11.02.2022; accepted for publication on 13.05.2022.

Барабаш Андрей Сергеевич – аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11), e-mail: barabash.andrei.sergeevich@mail.ru

Barabash Andrey Sergeevich – Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice, Baikal State University (11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), e-mail: barabash.andrei.sergeevich@mail.ru

Репецкая Анна Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1); зав. отделом криминологических исследований, Институт правовых исследований, Байкальский государственный университет (664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11), ORCID: 0000-0002-4796-3969, ResearcherID: Q-5459-2016, e-mail: repetsk@mail.ru

Repetskaya Anna Leonidovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation); Head of the Criminological Research Department, Institute of Legal Studies, Baikal State University (11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-4796-3969, ResearcherID: Q-5459-2016, e-mail: repetsk@mail.ru